

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

**Художественно-философский язык Ф.М.Достоевского
Коробов-Латынцев Андрей Юрьевич**

Аспирант

*Воронежский государственный университет, Факультет философии, Воронеж,
Россия*

E-mail: andrey0889@mail.ru

Художественно-философский язык Ф.М.Достоевского
Коробов-Латынцев А.Ю.

Аспирант

ВПО ВГУ, Факультет философии и психологии, Россия, Воронеж

Andrey0889@mail.ru

Н.А.Бердяев писал, что вся русская философия занимается тем, что переводит Достоевского на философский язык. Как надо понимать этот философский перевод? Достоевский писатель, художник, романист, но сам писал про себя, что в философии он шваховат. Но не в любви к ней, впрочем. Русские философы, тем не менее, называют Достоевского именно философом. Точно также и на Западе из всех русских философов в первую очередь называют Достоевского. Изучающему этот вопрос непременно попадутся в руки книги о философских открытиях Достоевского, о философии Достоевского, о философско-художественных концептах языка Достоевского, не говоря уже о работах самих русских религиозных философов, которые испытывали несомненное влияние Достоевского и погружались в его тексты с философскими намерениями найти в них нечто стоящее для себя и для русской философии вообще. Получается, что Достоевский, являясь профессиональным литератором, тем не менее в действительности орудует в области философской. И здесь встает вопрос о его художественно-философском языке. Именно художественно-философском, а не чисто философском или чисто литературном языке. Даже современники Достоевского замечали, что его язык слишком наполнен мыслью. Страхов писал Достоевскому по поводу издававшегося Идиота: «Во всем Вашем лежит особенный и резкий колорит... Вы загромождаете Ваши произведения, лишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они действовали сильнее... Все, что Вы вложили в «Идиота», пропало даром» [4, 502]. Достоевский в ответе на это письмо соглашался со Страховым. Вот, однако, что он сам пишет про художественность в Дневнике писателя: «Что за мысль, что художественность исключает внутреннее содержание? Напротив, дает его в высшей степени: Гоголь в своей «Переписке слаб, хотя и характерен, Гоголь же в тех местах «Мертвых душ», где, переставая быть художником, начинает рассуждать прямо от себя, просто слаб и даже не характерен, а между тем его создания, его «Женитьба», его «Мертвые души» - самые глубочайшие произведения, самые богатые внутренним содержанием, именно по выводимым в них художественным типам» [2, 106]. В определенном смысле эти слова Достоевского можно применить и к нему самому. Достоевский в своей публицистике (Дневник писателя) характерен, но «слаб», не достигает той глубины и того напряжения, которое достигается в его художественных текстах. Например, сразу после того как в «Русском вестнике» была опубликована часть братьев Карамазовых с Великим

инквизитором, Достоевскому пришлось оправдываться и объясняться за поэму своего героя и обещать дать в дальнейшем достойный ответ на аргументы Ивана. И как неубедителен Достоевский, когда он вынужден растолковывать цензорам смысл Великого инквизитора! Вот это объяснение Достоевского: «Смысл тот, что (курсив наш. – А.К.) если исказишь Христову веру, соединив её с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая вавилонская башня. Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему» [3, 718]. Итак, смысл Поэмы о великом инквизиторе в том, что... - но надо ли продолжать? Не редуцируется ли смысл художественного произведения, как только про него говорят «смысл его в том, что...»? Не коверкают ли эти магические слова смысл произведения, который заключен в самом произведении, разлит по его форме? Ведь всякая трактовка требует одновременно и перевода, как справедливо замечал Биbihин, а перевод с одного языка на другой чреват погрешностями не только в языке, но и в самой мысли.

Проблема переводимости философской мысли с одного языка на другой – одна из главных проблем в философии языка. Но мы никогда не переводим только с одного языка на другой: мы всегда переводим не только с языка на язык, но и с культуры на культуру [1, 24]. Это касается не только переводов с одного национального языка на другой, например с немецкого на русский, но это так же (и быть может даже в большей степени) касается перевода с одного языка культуры, например с художественного на другой язык культуры, например на публицистический (как переводил себя сам Достоевский в случае с объяснением поэмы о Великом инквизиторе), или на язык науки (как, например, переводят Достоевского литературоведы), или – на язык философии, как это делают русские философы с Достоевским, по признанию Бердяева.

Если при переводе с одного языка на другой, например, с немецкого на русский мы всегда сталкиваемся с непереводаемыми оттенками смыслов, с концептами, свойственными этим языкам, одним словом – с различием языковых мудростей: немецкий язык мудр иначе, чем русский, то при переводе с одного языка на другой, например, с художественного языка на научный, мы сталкиваемся с другого рода проблемой - с непереводаемостью мысли, которая слита со своею формой. Эту проблему очень метко подметил Хайдеггер, когда, разбирая подробно философию Ницше, предостерегал извлекать из Заратустры некую «теорию»: «легко можно решить, что перед нами философская мысль, выраженная поэтически, однако в ракурсе расхожих предствлений нельзя решить, где здесь поэзия, а где собственно мысль, потому что это заново определяется самим произведением или же только возвещается». Та же проблема становится еще более очевидной на примере «духовного брата» Ницше – на примере Достоевского, которого переводят на иные языки культуры: определить, где здесь мысль, а где художественное оформление, еще труднее. Именно поэтому необходимо особо внимательно относиться к тем переводам Достоевского на различные языки культуры, которые привлекают своею законченностью и ясностью.

Литература

1. Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспек-

тивы // Вопросы философии, 1999, № 11

2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за апрель. // Достоевский Ф.М. Пол. СОБР. Соч в 30 Т., Т.Т. XVIII – XXX. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. С.106
3. Сараскина Л.И. Достоевский / Людмила Сараскина. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 825 (7) с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып. 1320).
4. Хайдеггер Мартин. Ницше. Том 1. Пер. с немецкого А.П. Шурбелева. – СПб.: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2006. С. 250

Слова благодарности

Благодарствую за возможность философского общения на Вашей конференции в наше нефилософское время!